

The book cover features a stylized illustration of a person with long, dark, wavy hair, seen from the back. They are wearing a light green shirt and holding an open book. In the background, a silhouette of a person stands against a vibrant, abstract background of orange, red, and yellow splatters and gradients. The title is written in a white, textured, hand-drawn font across the top, and the author's name is in a red, cursive font at the bottom.

Дневник
Анны

Эйфория

Элис Вайлент

Элис Вайлет

Дневник Аники. Эйфория

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71977660

SelfPub; 2025

Аннотация

Роман между Аникой и братом ее мужа Джона – история о любви или болезни Аники? Эта история о вспыхнувшей страсти, холодном плане мести или о тайне, которую хранит каждый – Аника и братья, с которыми связана ее жизнь?

Содержание

2 ноября 22 г.	4
4 ноября 22 г.	5
10 ноября 22г.	6
28 ноября 22 г.	9
29 ноября 22 г.	13
30 ноября 22 г.	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Элис Вайлет

Дневник Аники. Эйфория

"Самый темный месяц в году

Приоткроет тайну твою"

2 ноября 22 г.

Фу-х, мне нужно высказаться. Я начала вести этот дневник, чтобы составить какой-то план. Я всегда начинаю планировать, когда нервничаю. Но сейчас это не просто список покупок или распорядок дня. Это план того, как мне жить дальше.

4 ноября 22 г.

Меня зовут Аника, мне 35 лет. И меня разрывают эмоции. Их слишком много. Джону сказали, что я вулкан, предостерегали его строить свою деревню рядом. Вулкан снова готов взорваться.

10 ноября 22г.

У меня ощущение, что я что-то должна вспомнить. Я не хочу вспоминать. Мне страшно! Я не пытаюсь намеренно копаться в своих воспоминаниях, это приносит боль. Я боюсь вспомнить то, чего не было. Воспоминания могут быть ошибочными, я не хочу ошибиться и нести этот крест. В моей памяти есть пробелы, я не хочу заполнить их своей фантазией. Похоже, я снова на эйфории. Если это так, то... Господи... я живу только, когда у меня фаза мании. В другое время я погибаю. Я умираю каждую секунду, каждая секунда длится бесконечно.

Сегодня мне хотелось зарезать себя. Вот так просто, да. Я загружала посудомоечную машину, собирала ножи для мойки, и, держа нож в руке, я представляла, как он врезается в меня. До этого, разговаривая с Джоном по телефону, я послала его, потому что он снова не приехал. Дочка спала в комнате. А я держала нож и представляла, как капли крови падают с него в моих руках. И каждая капля казалась мне целым океаном моих непролитых слез. И тогда я заплакала, а перед этим закричала, глуша свой крик, чтобы не проснулась дочка, и давила свое лицо, как будто мне хотелось содрать кожу со своего лица.

А вечером, наконец, приехал Джон. И, видимо, ему хотелось разрядки. Он нашел меня в комнате на втором этаже,

когда я смотрела очередной ромкомный сериал, а его брат в это время внизу нянчился с племянницей. Господи, как давно я этого не чувствовала! Джон как будто бы знал, каждый раз знает, когда я на грани. И как мне тоже нужна разрядка. Он измотал меня, и на миг я почувствовала себя на вершине блаженства. Но счастье быстро закончилось. Я спустилась вниз, на первый этаж, и меня ждала безысходность моего существования. Годовалая дочка, домашние дела, всех накормить ужином. Похоже, что я снова схожу с ума.

Уже несколько лет, как я лечусь, но только год, как мне подтвердили мой диагноз и перевели на другое лечение. Биполярное расстройство. Я спрашивала себя: «Почему я?». Я вопрошала куда-то в неизвестность: «Почему это произошло именно со мной?» Но ответа не было. И я смирилась. Наверное. Не до конца. Новое лечение дало мне возможность жить не как овощ в этом году, в отличие от предыдущих двух лет, и я снова распробовала на вкус жизнь. Но это было до того, как началась моя депрессивная фаза. Значит, то, как я жила до этого, было только эйфорией?

Но меня волновало другое. Я сказала Джону, моему мужу, однажды:

– Да, я располнела на препаратах, но это не повод забывать, что я женщина и твоя жена.

– *Да куда ты от меня денешься, Аника,* – сказал он.

– Я найду тебе соперника, – сказала я.

И я нашла.

28 ноября 22 г.

Его гибкое тело ласкало мою кожу. Он был молод, силен, активен. Словно приятный ветер, подувший в распахнутое окно жарким июлем. Но только в ноябре. «В самый сладкий месяц в году я в глазах твоих тайну найду, – писала я когда-то о фильме с Киану Ривзом и Шарлиз Терон. А теперь поняла, какого это, когда ноябрь может быть сладким. Мой «ноябрь» был на десять лет меня младше. Брат моего мужа. Себастьян. Тот, кого я нянчила, когда ему было пять лет. Теперь ему двадцать пять, и он спит нагой на моей кровати, а я люблюсь очертаниями его юного тела. Как же был неправ Джон в своей самоуверенности. Мечь — это не холодное блюдо, это десерт, вишенка на торте, которую я преподнесу ему на годовщину нашей свадьбы. Да, вот это и есть мой план. Джон был уверен в своем брате, я же всегда знала, что он ко мне равнодушен.

Всё началось год назад.

Год назад, июль

– Аника, я очень переживаю, что Себастьян не в себе. Мне даже кажется, что он что-то принимает...

– Почему вам так кажется? – спросила я миссис Тителл, маму своего мужа.

– Он постоянно сидит один, в своей комнате, за компьютером, ни с кем не общается, никуда не выходит.

– Сейчас все общаются онлайн, – возразила я, – Но если хотите, я позову его в гости и пообщаюсь с ним, узнаю, чем он живет. Но, правда, вы опекаете его, как ребенка.

– Это было бы просто замечательно! Он мог бы стать тебе другом. Себастьян очень преданный, он хороший человек, я знаю, и как на друга, ты могла бы на него положиться.

«Да, хорошая мысль», – подумала я. Вот только миссис Тителл забыла, что я не верю в дружбу между мужчиной и женщиной.

Я позвонила Себастьяну, и он приехал. Пока моя малютка Мона была с няней, мы с Басом сидели на веранде, затягивались никотиновым ядом и болтали. Нет, конечно, Бас был не наркоман, как переживала его мама. Он просто любил быть один, а это вряд ли можно назвать каким-то отклонением. Она до сих пор воспринимала его несмышленным малышом, хотя он уже давно взрослый молодой человек.

Затем мы гуляли, обсуждая книги Эриха Фромма и за чем-то вспоминая, когда заканчивается новая история и начинается новейшая. Мы говорили о разных типах любви, и я приплела туда книгу о разных способах выражения любви. Я давала Басу эту книгу как-то прочесть.

– И какой же твой язык любви? – спросила я.

– Мой... Да, наверное, тактильный, – ответил он.

– И мой тоже, – заулыбалась я, – А еще внимание. А у Джона явно действия, он любовь только так понимает и выражает.

– Скорее всего, – ответил Бас.

Мы гуляли, казалось, целую вечность. Спорили о том, насколько объединение людей вместо изоляции поможет обществу быть здоровее. Я сразу вспомнила про свою болезнь. Спросила у него, считает ли он меня неполноценной.

– А ты-то как сама считаешь? – ответил он.

– Я считаю, что я абсолютно нормальная. Но так, кстати, считают все сумасшедшие, – сказала я, и мы одновременно хохотнули. Он – от души. А я с ноткой грусти.

Себастьян рассказал про свою знакомую, которая периодически видит ананас вместо головы человека. Типа идут такие ананасы вокруг нее.

– И как она к этому относится? Не думала лечиться? – спросила я.

– Она ржет обычно, ананасы ее прикалывают, лечиться даже не думала, – ответил он.

Потом мы замолчали. Задумались, каждый о своем. Я вспоминала, что почему-то именно Бас ходил за мной по пятам по городу, чтобы со мной ничего не случилось. А я, на пике эйфории, представляла себя шпионкой Правительства и разгуливала по центру, будучи в своих фантазиях. Переодевалась в туалете торгового центра, чтобы меня не «рас-

крыли», и созванивалась с мужем, уверенная, что говорю с тайным главой государства.

И вот теперь, спустя три года после тех событий, Бас идет рядом со мной, высокий, с русыми волосами по плечи, чем-то похожий на Иисуса, но только в черных солнцезащитных очках. Молодой человек чуть старше двадцати лет, но уже возмужавший.

«Он давно не ребенок», – подумала я. Мужчина. Очень красивый мужчина.

Черт.

Мы договорились, что если он почувствует за собой что-то не то, он сразу скажет об этом, и мы обратимся к врачу.

– Но я прекрасно себя чувствую, – сказал он, – Спасибо, конечно, за заботу, но садиться на «колеса» я не собираюсь.

– Бас, я беспокоюсь о тебе. Ты же мне не чужой человек, – сказала я, обнимая его. А я ведь даже не представляла, что будет через год.

Он обнимает меня дружелюбно, но я замечаю, какое быстрое у него сердцебиение.

Тук-тук-тук-тук-тук-тук

Не чужой человек, да.

29 ноября 22 г.

Сегодня у меня ностальгическое настроение. С чего всё началось между мной и Басом? Когда был этот момент «Х»? Я помню, как после той нашей прогулки летом прошлого года примерно в сентябре я попросила приехать Баса помочь с Моной. Мона вообще плохо спит, а тогда совсем часто просыпалась. Мне никогда не удавалось нормально выспаться. Я и сейчас все время чувствую себя уставшей. Помню, что Бас охотно откликнулся на просьбу. Нянчился с Моной, пока я делала домашние дела. Мне хотелось выдохнуть на пару минут, и я расположилась на веранде с чаем, в тишине.

– Она заснула, – сказал Бас, выходя ко мне.

– Я рада, спасибо.

– Не за что. Зови, я всегда рад помочь, – говорит он.

С того дня Себастьян и правда стал другом мне и няней для Моны в одном лице. Он помогает с ребенком, приезжая каждый раз, когда я прошу. А я, надо сказать, часто прошу.

Бас учится, но скоро его должны забрать на военную службу. Обычно, когда он приезжал, мы много говорили. Он увлекается философией, читая тексты в оригинале. Я тоже больше люблю литературу, хотя изучала маркетинг. Поэтому, на веранде за кружкой чая, когда Бас начинает цитировать Ницше, я сразу откуда-то вспоминаю, что к концу жизни он сошел с ума и писал чушь. И что вообще можно было

бы использовать его посыл о жизни в борьбе и воле лозунгом какого-нибудь мастер-класса по борьбе с лишним весом. Мы оба смеемся. А когда он начинает что-то говорить из учений Платона, я машу руками и говорю, что если реальный мир лишь тени, пляшущие в отголосках пламени костра на пещере, то тогда я лучше останусь в этой пещере наблюдателем и буду жить в мире иллюзий. Он смеется, а я немного грущу, но улыбаюсь. Я почувствовала к Басу симпатию тогда. Я не знаю, что чувствовал он. Но приезжал он к нам с Моной часто.

Всё изменило именно это лето. И дело было не в Басе, который, возможно, так и остался бы другом. Дело в том, что я уже устала от претензий мужа по поводу своей внешности. Я устала сама чувствовать себя уродиной.

Был один момент... Мы с мужем занимались сексом. Джон всегда любил, когда я была сверху. И я, недолго думая, залезла на него. Но тут он закричал, всем своим видом показывая, что ему тяжело. Я ничего не поняла, но мы позу сменили. После я спросила, что это было. Он ответил, что я *слишком тяжелая*.

Не спорю, в то время я весила под центнер, но и он был далеко не Дюймовочкой. Было как-то обидно.

А чуть позже после очередного длительного воздержания со стороны мужа, у нас был тот самый знаменательный разговор о том, «куда я якобы денусь от него». Было еще кое-что в этом разговоре.

– Почему ты меня не хочешь? – спросила я, – Ты для меня всегда желанный, а я для тебя нет.

– У меня вообще нет никакого желания ни к чему, – ответил Джон.

– Раньше тебе это не мешало. Как бы ты ни уставал, я тебя возбуждала.

– Раньше ты и выглядела *по-другому*, – сказал он и замолчал.

Повисла тишина. Мне было все понятно. Джон только что вынес себе приговор.

Но мне надоело жаловаться. Не хочу быть похожей на тех женщин, которые толстеют после родов или других обстоятельств, а потом жалуется на своих мужей, у которых пропал к ним интерес. Это грустно, можно осуждать в такой ситуации и мужчину, и женщину, но проблему это не решит.

А что решит? Брат моего мужа? Почему бы и да.

30 ноября 22 г.

Муж уехал в командировку несколько дней назад. Банально, но все в жизни банально. Он оставил Баса, чтобы мне было не страшно одной в загородном доме. Какой заботливый. Такое ощущение, что он сам подкладывает мне своего брата. Или мне это показалось?

Я хочу вспомнить, как это было. В первый же день мы с Басом расположились у камина, с бокалами вина. Мона сладко спала в комнате наверху. Мы же болтали, попивая белое полусладкое. Искра, проскочившая между нами, разлилась румянцем на наших смущенно улыбающихся лицах. Я нервно глотаю комок в горле, он качает ногой. Я включила на телевизоре «Сладкий ноябрь». Мы особо не смотрим фильм. Говорим о моей беременности и материнстве, я жалуясь на то, что мало покормила грудью свою малышку из-за препаратов. И вообще из-за веса моя грудь сильно обвисла.

– Нормальная у тебя грудь, – говорит Себастьян.

– Ну я же вижу, что ненормальная, – отвечаю я, – Мягкая, как подушка.

Тогда он тянет руку к моей груди и чуть прикасается к ней через футболку. Аккуратно водит по ней и перебирает пальцами вверх, к ключице. Ведет пальцами вниз, снова к груди. Я неровно дышу и замечаю, что пальцы у него длинные, а костяшки на кисти ярко выражены. Я стараюсь не дышать и

не думать так громко, замирая, когда он уже более уверенно, поглаживает меня.

– Совершенно нормальная, – говорит он, выдыхая, и мы смотрим друг другу в глаза. Его зеленые глаза практически черные в полумраке.

Я не выдерживаю первая и прижимаюсь к нему, целуя.

Его губы ужасно похожи на губы мужа, и это раздражает. Во всем остальном он другой. Нежный и ласковый, как июньское мягкое солнце, и страстный, как самый темный для меня месяц в году – ноябрь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.